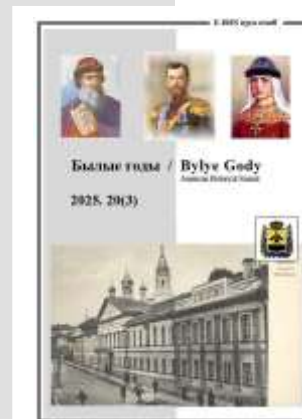


Copyright © 2025 by Cherkas Global University



Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1117-1127
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1117

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



On the Issue of Khan Abylai's Protection of the Interests of His Subjects

Ziyabek Y. Kabuldinov ^a, Nurbolat A. Abuov ^{b, *}, Murat Zh. Abdirov ^a, Jumagul R. Baidildeev ^c

^a Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Branch of the Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov, Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan

^c I. Arbaev Kyrgyz State University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

This article examines the foreign policy activities of Abylai Khan, his role in defending the interests of his subjects, and maintaining independence before the Russian Empire. The article draws on sources, analyzes office documentation, numerous letters from Abylai, extracted from archives, collections of documents, giving an idea of the whole range of Kazakh-Russian relations near the fortresses that were built by the Russian Empire on the territory of the Kazakh Khanate. As a result of the study of written sources, letters from Abylai sent to Russian officials and officers, numerous historical facts related to violations of the rights of Kazakhs were revealed. The article presents diverse conflicts in the border zone between the Kazakhs, Bashkirs, Kalmyks, Cossacks, and the military, which led to the Russian authorities illegally capturing Kazakhs, stealing cattle, hiding fugitive Kazakh subjects, and violating property rights and religious rights of the autochthonous population. The article reveals the active diplomatic correspondence carried out by Abylai, demonstrates the desire to maintain parity in Kazakh-Russian relations, the requirements for compliance with existing agreements with the Russian Empire shows his independence and initiative, responsibility in making difficult decisions.

A generalization of numerous facts allows the authors to conclude that Abylai, throughout the entire period of his reign as a sultan and then as a khan, was an outstanding statesman who scrupulously defended the interests of his people. Realizing all the military-technical power of the Russian Empire, trying to protect his people and preserve the independence of the Kazakh people, he chose the diplomatic path of resolving all controversial and conflict situations without exposing the population to the risk of military conflict.

Keywords: Abylai, Russian Empire, diplomatic correspondence, regional authorities, subjects, prisoners.

1. Введение

Современный Казахстан и Россия имеют самую протяжённую сухопутную границу, которая исторически сомкнулась в XVIII в., определив разноплановые геополитические задачи двух стран. Изучение исторических возможностей и методов решения этих задач в XVIII в., а также истории тесного взаимодействия двух стран, остаются актуальными исследовательскими аспектами для современных учёных-историков.

В XVIII в. после строительства военных крепостных линий Российская империя начинает политику по усилению своего политического, экономического влияния на казахов, которые, присягнув на подданство, оказались в зоне российских интересов. Основной целью российской политики в XVIII в. было привлечение на свою сторону степной элиты, которая могла повлиять на народные массы и стать

* Corresponding author

E-mail addresses: abuovnur@mail.ru (N.A. Abuov), kabulzia@rambler.ru (Z.Y. Kabuldinov), abdirov.murat@mail.ru (M.Zh. Abdirov), j.baidildeev@gmail.com (J.R. Baidildeev)

проводником политики Российской империи. В этой связи очень важно рассмотреть политику Абылая, являвшегося харизматичным лидером, осознававшим всю ответственность перед народом в свете новых исторических вызовов. Абылай, формально принявший российское подданство, вёл свою независимую политику, стремясь не быть вовлечённым в какие-либо тесные обязательства перед Россией, которые бы подрывали интересы казахского народа. Абылай выступал решительным защитником своих подданных от произвола военных лиц в крепостях, форпостах и редутах на Иртышской и Новоишимской линиях. По-другому в 40–70-е годы XVIII в. быть не могло, поскольку Российская империя в лице региональных властей в Северном, Северо-Восточном и Восточном Казахстане вела переговоры в основном через Абылая, а также через других влиятельных правителей – таких султанов, как Султанмамбет и Абулфеис, правивших в районе Среднего Прииртышья. Это был единственно возможный шаг российских властей, так как урегулирование всех вопросов, связанных с угоном скота и конокрадством, необходимо было производить централизованно, и только через влиятельных и авторитетных фигур в лице ханов и султанов.

2. Материалы и методы

Источниками для написания статьи стали фонды следующих архивов: архива Санкт-Петербургского исторического института Российской Академии наук (Архив СПбИИ РАН) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Исторического архива Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация), Государственного архива Омской области (ГАОО) (Омск, Российская Федерация), архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) (Москва, Российская Федерация). В фондах данных архивов содержится делопроизводственная документация, письма, отражающие состояние дел в приграничной территории между Российской империей и Казахским ханством. Следует отметить, что письма Абылая к российским чиновникам раскрывают обоюдострые отношения того периода, связанные с защитой его подданных, а также его стремлением сохранять паритет интересов в межгосударственных отношениях.

Методологической основой в разработке источников статьи стали принципы историзма и объективный подход. В исследовании применялись такие методы научного познания, как анализ и синтез, агрегативный и ретроспективный методы. Применение методов анализа и синтеза позволило рассмотреть широкое представительство российских чиновников, к которым Абылай обращался в своих письмах в статусе султана, а затем хана. Широкий охват проблем как рядовых казахов, так и представителей степной элиты позволяет нам утверждать о том, что он твёрдо и ревностно отстаивал интересы своего народа. Анализ содержания писем Абылая позволил выделить в его деятельности предъявление законных требований к российской стороне по таким направлениям, как защита имущественных прав казахов, защита интересов казахов в земельных спорах, возникавших на приграничной территории, защита пленённых казахов и сохранение паритетных условий обмена пленными, защита прав мусульман и их вероисповедания. Ретроспективный анализ содержания политической переписки Абылая с российскими чиновниками и военными офицерами позволяет рассмотреть конкретную историческую обстановку на приграничных территориях и дать оценку деятельности Абылая. Агрегативный метод позволил собрать факты из широкого круга источников. Все выводы нашей статьи оформлены на базе исторических источников, которыми являются письма Абылая.

3. Обсуждение

Вся политическая деятельность Абылая и уровень его влияния на казахский народ стали основанием для российских властей отслеживать его планы, решения и предпринимаемые действия. Позже его государственная деятельность стала изучаться учёными, которые исследовали феномен исторической фигуры Абылай хана. Интересные факты о российско-казахских отношениях и об Абылае оставил в своём труде офицер XVIII в. И.Г. Андреев (Андреев, 2006). В дореволюционный период свой труд «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» опубликовал А.И. Левшин (Левшин, 1996). В его работе мы встречаем массу сведений о выдающейся роли Абылая как организатора и участника освободительной борьбы казахского народа против джунгар, о его роли и влиянии в Степи. Он также даёт высокую оценку внешнеполитической деятельности Абылая, подчёркивая его уверенность, харизматический характер, умение находить и привлекать на свою сторону союзников, действовать по обстановке в регионе, что позволяло ему оставаться независимым правителем как от Китая, так и от России (Левшин, 1996: 254).

Историческая фигура и его политическая деятельность привлекала не только российских учёных, но и учёных европейских стран в конце XIX – начале XX в. Так, французский учёный М. Куран, защитивший докторскую диссертацию в Лионском университете в 1912 г. на тему «Центральная Азия в XVII и XVIII веке», на нескольких страницах даёт интересные сведения о хане Абылае (Шаймарданова, 2021: 46). В публикации современного историка З.Д. Шаймардановой содержится ряд сведений о таких учёных, как Камил Эмбо-Юарт, Жюльен Станислас, затрагивавших в своих исследованиях историю цинского Китая и Казахского ханства, в которых Абылай играл ведущую роль (Шаймарданова, 2021).

В советский период внешнеполитическая деятельность Абылая, его политика по сохранению независимости казахов, в целом его роль в истории Казахского ханства практически не рассматривалась или преподносилась отрицательно по идеологическим мотивам. Свои труды этому периоду и данной проблематике посвящали такие историки, как М.П. Вяткин (Вяткин, 1947), Е.Б. Бекмаханов (Бекмаханов, 1957), Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин (Сулейменов, Басин, 1981) и другие. Основным аспектом российско-казахских отношений для исследований советских историков в этот период был процесс «добровольного» присоединения Казахского ханства к России в русле формационного подхода и теории марксизма-ленинизма, в которой естественно замалчивалось о приграничных проблемах и конфликтах, возникавших между соседями. Как отмечает исследователь С.Н. Мамытова, роль и заслуги Абылай хана перед казахским народом несправедливо замалчивались до распада СССР, преднамеренно искажались и стирались из исторической памяти народа, чтобы его имя навсегда оставалось в забвении (Мамытова, 2013: 6).

Объективное, всестороннее изучение роли Абылая в истории Казахского ханства началось с обретением независимости Республики Казахстан. Как подчёркивал в 2001 г. известный историк республики М.К. Козыбаев, историческая фигура Абылай хана заслуженно вышла из тени прошлого и теперь пристально изучается учёными, став одной из центральных фигур казахской истории (Козыбаев, 2011: 19). За годы независимости исторической науки о разносторонней деятельности Абылая в Казахском ханстве свои работы написали: К.К. Абуев (Абуев, 2006, 2013), Ж. Касымбаев (Касымбаев, 1999, 2007), И.В. Ерофеева (Ерофеева, 1997), К.Ш. Хафизова (Хафизова, 2019) и другие. Данные труды позволили вновь раскрыть роль Абылая как великого государственного деятеля, полководца и дипломата казахского народа.

В настоящее время процесс изучения государственной деятельности Абылая, новые грани его личности продолжают исследоваться более детально с привлечением широкого круга источников и новой методологической базы.

Так, исследователи Г. Шотанова, Е. Ужкенов отмечают, что в период XVIII в. различные исторические источники демонстрируют многократные попытки российских властей усилить своё влияние в Казахской степи, в связи с чем Абылай хан был вынужден активно вести дипломатическую переписку в условиях сомкнувшихся границ с Россией (Шотанова и др., 2022: 591). Действительно, Абылай – тот правитель, который даже в ограниченных военно-политических ресурсах смог удержать свою власть и сохранить независимость Казахского ханства. После его смерти ни один правитель казахов уже не смог бороться с проникновением Российской империи в казахскую Степь. Это подчёркивают и современные исследователи Н. Курманалина, Т. Рыскулов, которые отмечают, что сыновья Абылай хана – Уали, Ишим и Касим уже не могли властвовать так, как это делал их отец, продолжать его политику на прежнем уровне (Курманалина и др., 2022: 1590).

Таким образом, Абылай остаётся выдающимся государственным деятелем казахов XVIII в., деятельность которого ещё необходимо исследовать, привлекая новые источники, раскрывая как его историческую роль, так и ранее неисследованные аспекты казахско-российских отношений.

4. Результаты

4.1. Усилия по защите казахов. Абылай на протяжении длительного времени выступал главным защитником казахов Среднего и Старшего жузов от действий военных лиц Российской империи. Жители Степи могли пострадать в самых различных случаях: на российскую сторону насильно угоняли людей или забирали скот, крепостные начальники незаконно удерживали казахов в заключении в приграничных крепостях, нередко на пограничную территорию убегали пленные и рабы, принадлежавшие степнякам, что вызывало беспокойство подданных Абылая. В таких случаях последние обращались за содействием к влиятельному Абылаю, который выступал не только как одна из сторон переговоров, но и как главный посредник в приграничной зоне (Андреев, 2006: 44-45). В конце 1740-х гг. усилия Абылая по возвращению своих людей были отмечены Оренбургским губернатором И.И. Неплюевым, который писал ему лично, что требования Абылая по возвращению захваченных людей в сибирской стороне исполняются, о чём ему также сообщал: «Сибирский губернатор, ... что найденные люди действительно отданы» (Абуев, 2013: 145).

Значительный интерес представляет письмо Абылая императрице Елизавете Петровне от 8 сентября 1758 г., в котором султан обрисовал общее состояние казахов в приграничной зоне Западной Сибири: «...мы живем близко к русскому народу, находящемуся в этой далекой окраине; хотя казахский йурт, как и русский народ, пребывает рабами государя, мы терпим обиды и убытки со стороны русских тоже этих окраинных ваших владений» и перечислил свои претензии, начиная с набега россиян на аулы атыгайского батыра Алимбета. В письме раскрываются факты нападения и грабежа аула Алимбет-батыра из рода атыгай со стороны жителей Омской крепости. Абылай приводит факты как из этого нападения, так и события подобного характера, которые были совершены Алексеем Миклисом Шукуравиза ранее. Сообщается об убийстве 11 человек и пленении 43 человек. У Алимбет-батыра угнали в плен жён по имени Крымша, Слуша, дочь – Байбек, сына Сабана, о судьбе которых он знает только то, что они живы и находятся в руках упомянутого Алексея

Миклиса Шукуравиза (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 177). Таким образом Абылай напоминал российским властям о неоднократности преступлений, имевших место в Казахской степи.

Затем он остановился на другом шумевшем случае набега на казахов со стороны военных лиц Куртамышской крепости в 1751 г., когда были убиты все члены одной семьи, а их скот и всё имущество захвачено ими. Эти сведения стали доступны благодаря женщине, которую убийцы посчитали мёртвой (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 177-177об.). В этом же письме он описал и третий факт нападения на мирных казахов. В частности, в источнике раскрываются события у берега Иртыша, Фошмарского редута, находящегося выше Темира по Иртышу, когда пастух-казак был сильно избит военными по приказу поручика вышеуказанного редута и в итоге получил увечья. Как указывает Абылай, он пострадал несоизмеримо с его нарушением по кратковременному перегону скота во внутреннюю сторону редута (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 178). Даже незначительные факты нарушений со стороны кочевников, как нарушение ещё только формирующихся границ, становились поводом для агрессивного ответа со стороны российских военных, которые не были особо избирательны в решении конфликтных ситуаций.

Абылай также сообщал о некоторых конфликтах при заготовлении русскими сена, становившегося яблоком раздора между двумя сторонами. Абылай негодовал в своём письме о том, что русские, заготавливая сено, не предпринимают меры по его сохранности в последующее время и не отгораживают его. Любой пожар, даже неизвестного происхождения, становится причиной обвинений в этом казахов. А если скот казахов проходит мимо заготовленного сена, то русские сразу задерживают скот и оставляют его себе как компенсацию за якобы нарушенные границы и использованное сено. В этом же письме он также приводит и другие факты необоснованных угроз и притеснений со стороны казаков, которые всегда рассматривают кочевников только как противников российской власти (Архив СПбИИ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 177об.-178).

Документы 1760–1770-х гг. также содержат информацию о случаях, когда Абылай принимал деятельное участие в защите своих подданных. В письме командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.И. Шпрингеру от 14 сентября 1765 г. Абылай сообщал о несправедливом, по его мнению, наказании его людей и обмане со стороны генерал-майора П. Девица. В частности, он писал о фактах мошенничества на сатовке со стороны русских купцов, которые отбирали скот у рядовых кочевников-казахов, обвиняя их в том, что это на самом деле угнанный у них скот, и никакой платы за него они не получают. Абылай в письме решительно объяснял, что казахи не глупы и не осмелятся вести скот такого происхождения на сатовку, где ещё и находится хозяева якобы «угнанного» скота. В письме также сообщалось о жестоком избииении нескольких подчинённых самого Абылая, которые попытались в лесу заготовить для него немного дров (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 56об.-58).

В тех случаях, когда в угоне скота обвинялись казахи и их закрывали в крепостях, Абылай старался их вызволять, обещая, что он уже сам по своим законам разберётся со своими подданными. О таком случае кражи скота сообщал командующий в Петропавловской крепости генерал-майор С.К. Станиславский. В своём рапорте командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколону от 5 ноября 1772 г. докладывал о том, что был задержан Марназар Утяпов за кражу скота Баубака Исанбаева и отдан под гауптвахту, скот был помещён в его конюшню. Позже прибыли подчинённые Абылая с его корреспонденцией в которой сообщалось, что дело о краже скота со стороны Марназара Утяпова им разобрано по просьбе Баубака Исанбаева. Обвиняемого он сам накажет. В письме была убедительная просьба передать Марназара Утяпова его подчинённым с целью довести это дело до конца и наказать виновного (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 267-267об.).

Из рапорта генерал-майора С.К. Станиславского генерал-поручику И.А. Деколону от 2 июля 1773 г. можно узнать о письме Абылай хана, в котором тот просил отпустить безвинно захваченных в Петропавловскую крепость казахов. В письме сообщается, что данные казахи не совершали тех преступлений, в которых их обвиняют, и он, Абылай, просит их отпустить со всем снаряжением, так как они были им направлены для охоты на беркутов. Таким образом, из-за отсутствия информации, письменных уведомлений в адрес российских властей, Абылаю приходилось позже вызволять своих людей из плена (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 16-16об.).

В другом случае, летом 1773 г., у крестьян Красноярской слободы пропало 14 лошадей, в чём были обвинены трое казахов и заключены под стражу в Петропавловской крепости. Когда это известие одошло до Абылая, в письме от 6 июля 1773 г. он заверил коменданта крепости С.К. Станиславского в том, что его арестованные подданные не были виновны в пропаже лошадей, а находились неподалёку от места пропажи только потому, что ловили там беркутов. Абылай лично ручался за них, указывая, что все трое задержанных были честными и порядочными людьми, ни разу не участвовали ни в каком воровстве, а потому настоятельно просил их отпустить (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 18). С.К. Станиславский данную просьбу Абылая поддержал и ходатайствовал перед командующим И.А. Деколонгом о распоряжении отпустить арестованных казахов, поскольку Абылай лично поручился за них, в частности генерал-майор давал понять, что хан имел большие заслуги перед Россией, регулярно выдавал российской стороне пропавших людей и лошадей, причём последним, как сказано в письме, «не было счета». К тому же комендант крепости указывал, что при

пропаже лошадей его люди не нашли каких-нибудь явных следов воровства, а, следовательно, и причастности к этому делу арестованных казахов.

Вызволнение из российского плена казахов, которые заключались под стражу, было довольно частым явлением. В последующее время в письмах Абылай также встречается информация о случаях захвата людей военными отрядами и содержания их в крепостях, в том числе в рапорте генерал-майора С.К. Станиславского генерал-поручику И.А. Деколону от 8 мая 1775 г., в котором он пишет о просьбе Абылая освободить «трех киргизцев и к нему возвратить» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 752).

13 марта 1778 г. Абылай писал уже бригадир С.В. Суморокову об очередном из бесчинств военных. В письме указывалось, что военные Пресногорьковской крепости захватили в плен двух казахов Кипчакской волости по имени Карысота и Букомбай по причине того, что командир крепости обвинил их в том, что они удерживают русскую старушку в плену. Освободить их они обещали лишь в случае освобождения пленённой старушки. Однако Абылай в письме убедительно доказывал, что у данных казахов нет пленных из числа русских, и относится они к Ташкурской волости, а не к Кипчакской. Пленные или беглые русские из Кипчакской волости были им вызволены из плена и возвращены на российскую сторону согласно заключённым договорённостям. В связи с этими обстоятельствами он требовал освободить ни в чём не виновных казахов или направить их к нему (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 229-229об.).

Итак, на протяжении всего своего правления Абылай старался соблюдать заключённые с российской стороной договорённости и взятые на себя обязательства. В свою очередь, он требовал и ожидал от российской стороны справедливого отношения к казахам и непредвзятого разбирательства в тех случаях, когда под подозрением находились его подданные.

4.2. Возвращение беглых пленных с российской стороны. Одним из острых вопросов в отношениях Абылая с командирами военных линий и местных администраций в 1750–1770-х гг. был возврат беглых пленных (Абуев, 2006: 196), основным «поставщиком» которых являлась Джунгария, ослабевшая в 40–50-х годах XVIII в. в результате междоусобной борьбы и войн с соседями и к концу 1750-х гг. оказавшаяся на грани исчезновения. Казахи считали пленников своим законным военным трофеем, а использование их в хозяйственных делах вполне справедливым, рассматривая это как своего рода плату за длительную и беспощадную войну. Обладание большим количеством невольников повышало авторитет их владельцев и подчёркивало их роль в разгроме Джунгарского ханства. Тем сильнее били по гордости казахов победы пленников на российскую сторону. Пленниками становились не только джунгары, но и башкиры, туркмены, каракалпаки, захваченные в ходе военных столкновений. Например, количество пленённых из числа волжских калмыков выросло в результате их откочёвки через казахские пределы в 1771 г.

Абылай, как и другие казахские правители, получая многочисленные обращения со стороны своих подданных, пытался проводить последовательную политику по возвращению пленных, предлагая разные варианты решения данного вопроса. Но зачастую такие просьбы не выполнялись пограничными властями, ссылавшимися, как правило, на то, что перебежчики уже приняли российское подданство. Следует отметить, что на условной границе российских и казахских владений, в частности на Новоишимской и Иртышской линиях, сложилась непростая ситуация, обусловленная рядом факторов: во-первых, существованием работорговли как в Сибири, так и в Степи, служившей источником пополнения рабочей силы и ценным товаром; во-вторых, недостатком русских военных сил на границе, когда казачество пополнялось за счёт беглых или бывших пленных, в том числе купленных на невольничьих рынках; в-третьих, острой нехваткой женского населения: беглых женщин брали в жёны или использовали в качестве служанок; в-четвёртых, распространением христианства: многие принимали православную веру, и власти уже не возвращали таких беглецов, руководствуясь принципом «единоверцев не выдаём». Поэтому, несмотря на все усилия Абылая по возвращению сбежавших пленных разных народностей, пограничные власти действовали, исходя из собственных интересов.

Учитывая конкретные обстоятельства, Абылай в одних случаях требовал возвращения беглых тем подданным, которые имели на них права, а другим давал согласие на то, чтобы бежавшие из Степи остались в российской стороне. Например, беглых из числа башкир, как российских подданных, Абылай не требовал обратно, но просил обязательно выдать пленных джунгар и волжских калмыков. Вместе с тем, очень часто беглецы забирали с собой лошадей, одежду и другое имущество, выданное им в пользование, но не принадлежавшее лично. Это имущество Абылай и его соратники требовали от сибирских пограничных властей обязательно отдать. Российская сторона данное требование чаще всего принимала. Судя по сохранившимся документам, начальники и коменданты крепостей при возникновении подобных случаев получали приказы разыскать лошадей и имущество для возвращения в Степь их владельцам. Когда это не представлялось возможным, хозяевам выплачивалась соразмерная компенсация в виде денег или товаров (Жизнь и деятельность..., 2022: 13, 16-17, 28, 65-66, 122).

Одним из ранних свидетельств о наличии пленников у казахов являются показания побывавшего в Среднем жузе казака Бердюгина от 11 мая 1743 г. Местные жители говорили ему как о калмыках, так и башкирцах, чуваших, которые у казахов находятся в плену. Все они, по показаниям

казака Бердюгина, являются подданными Её Императорского Величества, что требует вмешательства властей для их освобождения из кайсацкого плена ([Пространство..., 2013: 23](#)).

В переписке с другим офицером, полковником Я.С. Павлуцким в августе 1743 г. Абылай просил передать ему пленников, а также пленных детей в свою ставку. Он писал о беспокойстве родителей за своих детей и о необходимости воссоединения родителей и их детей. Другим аспектом беспокойства Абылая было то, что стали частыми факты крещения казахов во время их пленения российскими войсками. Он задавал Я.С. Павлуцкому вопрос, что будет, если и русские, попавшие в плен, также насильно будут обращены в мусульманство ([Пространство..., 2013: 23-24](#)).

Скорее всего, Абылай прекрасно знал о практике крещения беглецов, поэтому справедливо возмущался и грозился в свою очередь обращать русских пленных в мусульман. Начало такой практики было положено в высочайшем Указе императрицы Анны Иоанновны «О нечинении обид и притеснений ясажным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке» от 21 мая 1733 г. Согласно этому Указу, российские власти стремились поддерживать инородцев, которые добровольно принимали христианство, разрешая им свободное проживание в российских городах и уездах ([ПСЗРИ, 1830: 132](#)). В реальной ситуации на приграничной территории добровольность этого акта смены вероисповедания осуществлялась приграничными властями через определённое принуждение. Для пленных казахов и других инородцев это было возможностью получить свободу и избежать наказания.

Значение этого указа в дальнейшем верно подметил русский этнограф XVIII в. С.С. Шашков: «Нужно заметить, что древнерусская ревность о православии не позволяла и думать о возвращении в родные улусы тех невольников, которые во время плена приняли добровольно, или насильно русскую веру. Сначала вошло в местный обычай, а потом и в закон, возвращать инородцам только тех ясырей, которые не были крещены» ([Шашков, 1869: 176](#)).

Стремление освободиться из плена казахов в первую очередь испытывали калмыки. Пленных калмыков было много не только у Абылая, но и у других султанов. По показаниям калмыка Хабана в сентябре 1747 г., при поездке с торговой миссией в Киргизскую степь, их ограбили: товарищи его бежали, а он остался, жил и работал пять лет в улусах Абулмаммет-хана. Как он сообщал, во владении Абулмаммета «пленных калмык было при нем 100 да 3 русские бабы» ([Пространство..., 2013: 91](#)).

Следует отметить, что на российскую сторону сбежали не только пленные калмыки, но и некоторые казахи, вероятно, провинившиеся в чём-то в Степи. В отношении казахов-беглецов действовал тот же принцип, что и для калмыков, принявших христианство. Вероятно, принятие христианства как способ избежать обратной выдачи казахам было хорошо известно в то время среди пленных, поскольку довольно часто его использовали в качестве защитной меры. Так, 28 ноября 1754 г. в допросе калмычки Байгул Малтаровой, бежавшей в Семиярский форпост из казахского плена, имеются следующие показания прапорщику Соболеву. Из показаний следует, что Байгул Малтарова попала в плен осенью 1753 г. к казахам Уак-Керейской волости ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 289-289об.](#)). Из документа видно, что она была захвачена в плен вместе с другими калмыками в результате нападения казахов на их улусы. Она описывает жестокое обращение с ней в плену, включая избиения, которые явились одним из мотивов побега, но при этом основной причиной называет желание принять христианство.

По замечанию сибирского историка Ф.К. Зобнина, «главную массу киргизских рабов и невольников в XVIII столетии составляли люди, захваченные в плен во время многочисленных стычек одних племен с другими» ([Зобнин, 1901: 3](#)).

В 50-е гг. XVIII в. такая ситуация объясняется ослаблением Джунгарии и постоянными походами казахов на восток. В 1757 г. казахи Среднего жуза во главе с султаном Абылаем и батыром Кошкарбаем вторглись в Алтай и увели массу пленных теленгутов. Что касается башкир, то увеличению числа пленных способствовала Высочайшая грамота от 5 сентября 1755 г. на имя хана Нуралы, султанов, старшин и всего киргиз-кайсацкого народа, в которой объявлялось, что Российское государство даёт право захватывать как имущество и скот башкир, так и пленять всех беглых башкир ([Зобнин, 1901: 4-6](#)). В этом проявлялась имперская политика столкновения подданных народов, послужившая официальным поводом для дальнейших захватов и пленений башкир.

Особенно усилился приток пленных в 1758 г., когда перестало существовать Джунгарское государство. В связи с этим Абылай 22 июля 1758 г. в письме на имя генерал-майора А.И. Тевкелева писал о том, что они не требуют возвращения пленных башкир, мецзяков, русских, но калмыков, сартов и прочих азиатов просил непременно возвращать. Он также напоминал о том, что всегда возвращает пленных из Российской империи, и в дальнейшем будет поступать также. В частности он сообщал: «Из беглых от Якова Алегтеева сына Тоузакова двух – одного калмыка, поймав выдадим, а другого, хотя ныне за дальностью того улуса в котором он находится, разстояние, достать и не возмogli, однако и ево отыщем и выдадим». Далее султан обратил внимание на необходимость вернуть пленных из Омской крепости и других укреплений, некоторые принадлежали лично ему, а именно его наложница-калмычка с двумя его сыновьями. Он также просил вернуть и бежавших сартов, калмыков, которые бежали в Троицкую, Уйскую и Тобольские крепости. Он жаловался, что их не возвращают командиры этих крепостей, поэтому он просил непосредственного содействия

А.И. Тевкелева (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 99-99об.). При этом Абылай ставил свои условия в случае невыдачи джунгарских беглецов, предупреждая о намерении пойти на зеркальные меры и также не выдавать захваченных казахами россиян: «В заключение же сего доношу вам, ежели помянутые наши беглецы возвращаемы от вас будут, то и ваши от нас выдаваемы быть могут. А буде возвращаемы не будут, то и от нас вашим выдачи быть не имеет, пускай наши беглецы у вас будут, а ваши у нас» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 100-100об.).

Позднее Абылай неоднократно обращался к властям по поводу взаимного возврата пленных. При этом российская сторона иногда выдавала казахам беглецов, не успевших принять христианскую веру, что следует из промемории генерал-майора И.И. фон Веймарна в Оренбургскую губернскую канцелярию от 29 августа 1760 г. В документе есть информация о переписке с султанами Абылаем и Султанмаметом о возврате некоторых пленных. Например, переписка раскрывает общую просьбу Абылай и Жолбарыс султанов, которая была адресована командиру Ямышевской крепости с уведомлением о необходимости исполнять указ Коллегии иностранных дел 1758 г. декабря 31 дня, в которой некрещённые инородцы должны были быть возвращены назад хозяевам. В частности, в письме указывалось о необходимости вернуть трёх азиатов, Амана, Чала и Бату, которые не принимали крещение (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 193-193об.).

В письме генерал-майору И.И. фон Веймарну от 25 августа 1761 г. в ответ на готовность выдать российских подданных Абылай просил вернуть бежавших от Ерек-батыра - калмыков, имена которых «первой – Патма, другой – Маитша, третий – Шамрат, четвертой – Чархал, пятой – Кусюк». В письме он также упоминает и Алимбет-батыра, от которого сбежали калмыки, просит содействия в их возврате, напоминая о договорённостях и взаимной дружбе (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1761 г. Д. 6. Л. 20-20об.).

В совместном письме Абылай хана и Уали султана от 21 октября 1771 г. к командующему в Петропавловской крепости полковнику А.А. Корфу также говорилось о возврате ими русских людей и необходимости ответного возврата беглых рабов, принадлежащих их подданным. Хан был настроен возвращать пленных россиян, но и требовал ответных действий со стороны начальников крепостей и просил региональные власти дать соответствующие распоряжения на этот счёт. Видимо, подобных нарушений со стороны комендантов крепостей было немало. В качестве примера был приведён конкретный случай, показавший волокиту местного начальства, не желавшего заниматься этими вопросами. Так, в случае, когда в Россию сбежали пленники, один из которых был башкир – российский подданный, а другой калмык с двумя сыновьями, Абылай был вынужден дополнительно излагать требования от казаха, хозяина сбежавшего калмыка. Он пояснял, что у хозяина калмыка в плену находится российский пленный, и он его вернёт российским властям только в том случае, если они ему выдадут этого калмыка с сыновьями (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 146-146об.). Как видно, рядовой казах мог не выполнить требования хана, если не удовлетворялись его личная просьба или обращения в адрес своего правителя. В этом проявлялись элементы степной демократии, относительной свободы и независимости обычных казахов.

Документы свидетельствуют о том, что в бега подавались представители самых разных народов, оказавшихся в казахском плену – калмыки, каракалпаки, башкиры, туркмены и другие. Принять решения по их выдаче хан просил в письме от 10 июня 1772 г., обращаясь к коменданту Петропавловской крепости бригадиру Клаверу. Так, в этом письме упоминаются имена таких пленных, относящихся к каракалпакам, бухаретинцам и другим народностям, которых он просил выдать (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Л. 380). В письме генерал-майору С.К. Станиславскому от 29 августа 1772 г. также упоминаются два туркмена, башкирец, калмыки, которые увели с собою четырёх лошадей и увезли одно ружье (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Л. 394).

В письме командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколону от 3 августа 1775 г. Абылай пишет не только о сбежавших трёх калмыках, но и даёт достаточно подробный перечень имущества, которое было похищено ими. В частности, раскрываются факты кражи семи лошадей, различных платьев, халата, тканей, одной турки и одной сабли. Абылай просил помощи не только в возврате пленных, но и по возможности в поиске и возвращении похищенного имущества (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 112-112об.).

Из приведённых писем видно, что довольно часто беглецы попутно прихватывали различное имущество казахов. В зависимости от ситуации Абылай иногда прибегал к достаточно жёсткой риторике и даже к открытым угрозам в адрес сибирских властей. Так, в частности, в одном из писем он достаточно в жёсткой форме пишет, что если условия обмена пленными не будут исполняться российской стороной, то у казахов остаётся право также брать в плен российских подданных, и их число у казахов может резко возрастать. Поэтому он настоятельно просит своевременно выдавать пленных, а если они не будут выдаваться, то и российские пленные, и беглые будут оставаться в плену казахов (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Л. 380, 394). С другой стороны, он не оставлял надежды на справедливое решение спорных ситуаций во имя добрых отношений, что видно из следующих строк: «Случалось и много российских к нам бегали, так мы вам отдавали, для чего и мы оных желаем выдать для соседней дружбы» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Л. 394).

Большинство невольников находилось у зажиточных казахов и представителей знати. Абылай сам не был исключением и также имел пленных, захваченных в войнах. 21 августа 1775 г. хан сообщал

генерал-поручику И.А. Деколону о бежавших лично от него шести калмыках (один из них был в отрядах Емельяна Пугачева в 1774 г.). В своём письме он также сообщал о личных имущественных потерях, связанных с бегством шести калмыков, и просил их задержать в крепости Лебяжьей, куда они вероятнее всего направились. Он просил его высокопревосходительство заковать их в оковы и вернуть в его распоряжение (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 176-176об.).

Из привлечённых документов видно, что к хану с просьбами о решении вопросов по выдаче беглецов обращались и простые казахи, и представители знати. Например, оказать содействие просил житель Кыпчацкой волости, о чём свидетельствует письмо Абылай генерал-майору Н.Г. Огареву от 10 апреля 1778 г.: «Приехал ныне Кипчацкой волости киргизец, объявил мне, что не в давнем времени бежала от него служанка в Россию. Так прошу, естли где на линии окажетца, о доставлении оной отправить Пресногорьковской крепости командующему, от коего и ко мне прислана будет, каковым образом и я захваченных ваших российских людей к выдаче всегда стараюсь отыскивать» (ИАОО. Ф.1. Оп. 1. Д. 212. Л. 324-324об.). Абылай хан стремился помогать и знатым, и простым казахам, так как это имело важное значение для укрепления его авторитета в самом Казахском ханстве. Это также расширяло его связи с российскими чиновниками и военными, демонстрировало его правомочность, решительность, стремление отстаивать весь спектр прав, в которых были задействованы его подданные.

5. Заключение

Таким образом, Абылай активно выступал защитником интересов своих подданных в приграничной зоне. Благодаря его дипломатическим действиям в регионе складывалось в целом мирное сосуществование казахов и других подданных России. В ситуациях того сложного и противоречивого времени, когда силовыми методами нельзя было решить возникающие проблемы, Абылай использовал личное посредничество, вёл длительные переписки и переговоры с широким кругом российских чиновников и офицеров, разрешая пограничные проблемы. В результате на северо-востоке Казахской степи им было установлено относительно мирное сосуществование сблизившихся территориально государств. Вместе с этим были и военные перманентные столкновения, например, такие как зимой 1754–1755 гг. Следует отметить, что Абылай прекрасно знал о военно-техническом превосходстве Российской империи и всегда старался выбирать мирный и бескровный вариант решения возникавших конфликтов на границе, при необходимости удовлетворяя некоторые просьбы и требования российской стороны. Пожалуй, на то время это была наиболее верная и выверенная линия поведения, позволявшая ему осуществлять планы и в других регионах страны. Благодаря своей политике, умению находить компромиссные решения, хан Абылай смог сыскать заслуженное уважение как от российских властей, так и пользовался непререкаемым авторитетом и уважением со стороны своих единомышленников и соотечественников из всех жузов. Многие представители казахской элиты нередко обращались за защитой своих интересов к Абылаю как к миротворцу, дипломату, умеющему добиваться необходимого результата. Поэтому на протяжении более 40 лет на границе установилось относительно затишье, и Российская империя не решалась на военное вторжение на территорию Среднего жуза.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки, Министерства науки и высшего образования, проект ИРН BR28512385 «Междисциплинарное исследование региональных аспектов истории Казахстана (на основе новых архивных материалов и фольклорных произведений)».

Литература

- Абуев, 2006 – Абуев К. Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.
 Абуев, 2013 – Абуев К.К. Абылай Хан. Современники и наследники. Кокшетау: Эрекет, 2013. 308 с.
 АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
 Андреев, 2006 – Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. 210 с.
 Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института Истории Российской академии наук.
 Бекмаханов, 1957 – Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 335 с.
 Вяткин, 1947 – Вяткин М.П. Батыр Срым. М.-Л.: изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 392 с.
 ГАОО – Государственный архив Омской области.
 Ерофеева, 1997 – Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // *Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования*. Алматы: Фонд Сороса Казахстана, 1997. С. 46-144.

- Жизнь и деятельность...**, 2022 – Жизнь и деятельность казахских ханов, султанов, батыров XVIII – первой половины XIX вв. Сборник архивных документов и материалов / Сост.: Н.Н. Курманалина, Т.А. Рыскулов, А.Р. Бейсембаева и др. Алматы: ИП «Алма», 2022. 348 с.
- Зобнин, 1901** – Зобнин Ф. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи // *Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год*. Вып. VI. Семипалатинск: Типогр. Семип. Обл. Правления, 1901. С. 1-99.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- Касымбаев, 1999** – Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств: XVIII век (Т. 1). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- Касымбаев, 2007** – Касымбаев Ж. Абылай-хан. История, личность, время. Серия «Знаменитые люди Востока». Алматы: Аруана, 2007. 92 с.
- Козыбаев, 2001** – Козыбаев М.К. Независимость – столбовая дорога к прогрессу // *Отан тарихы*. 2001. №3. С. 15-20.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под общ. ред. М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Мамытова, 2013** – Мамытова С.Н. Изучение личности и государственной деятельности Абылай хана в современной Отечественной истории: реальность и перспективы // *Отан тарих*. 2013. №4 (64). С. 5-13.
- Пространство...**, 2013 – Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / Науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2013. 314 с.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. 1733-1736. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 1022 с.
- Сулейменов, Басин, 1981** – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.
- Хафизова, 2019** – Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.
- Шашков, 1869** – Шашков С.С. Рабство в Сибири (Исторический очерк) // *Дело: учено-литературный журнал*. СПб., 1869. № 1. С. 163–187.
- Шаймарданова, 2021** – Шаймарданова З.Д. Абылай хан в зарубежных исследованиях // *Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана*. Серия «Международные отношения и Регионоведение». 2021. № 2 (44). С. 44-53.
- Kurmanalina et al., 2022** – Kurmanalina N.N., Ryskulov T.A., Kabuldinov Z.Ye., Kuanbay O.B. (2022). Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period // *Bylye Gody*. 2022. 17 (4): 1585-1595.
- Shotanova et al., 2022** – Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagaliyeva, K.V. (2022). The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 590-603.

References

- Abuev, 2006** – Abuev, K. (2006). Khan Abylai i ego vremya [Khan Abylai and his time]. Astana: Elorda, 304 p. [in Russian]
- Abuev, 2013** – Abuev, K.K. (2013). Abylai Khan. Sovremenniki I nasledniki [Abylai Khan. Contemporaries and heirs]. Kokshetau: Areket, 308 p. [in Russian]
- AVPRI** – Arkhiv vneshney politiki Rossiiskoi imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- Andreev, 2006** – Andreev, I.G. (2006). Opisanie Sredney ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of Kyrgyz-Kaisaks]. Pavlodar: NPF «ЕКО», 210 p. [in Russian]
- Архив СПбИ РАН** – Arkhiv Sankt-Peterburgskogo Institut Istorii Rossiiskoi akademii nauk [Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences].
- Bekmahanov, 1957** – Bekmahanov, E.B. (1957). Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii [Kazakhstan's accession to Russia]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 335 p. [in Russian]
- Erofeeva, 1997** – Erofeeva, I.V. (1997). Kazahskie hany i hanskie dinastii v XVIII – seredine XIX vv. [Kazakh khans and khan dynasties in the 18th – mid – 19th centuries. Kul'tura i istoriya Tsentral'noi Azii i Kazakhstana: problem i perspektivy issledovaniya. Almaty: Fond Sorosa Kazakhstana, pp. 46-144. [in Russian]
- ИАОО** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical archive of the Omsk region].
- Kasymbaev, 1999** – Kasymbaev, Zh. (1999). Gosudarstvennye deyateli kazakhskikh khanstv: KhVIII vek (T. 1) [Statesmen of the Kazakh khanates: XVIII century (Vol. 1)]. Almaty: Bilim, 288 p. [in Russian]
- Kasymbaev, 2007** – Kasymbaev, Zh. (2007). Abylai-khan. Istoriya, lichnost', vremya [Abylai Khan. History, personality, time]. Seriya «Znamenitye lyudi Vostoka». Almaty: Aruana, 92 p. [in Russian]
- Kozybaev, 2001** – Kozybaev, M.K. (2001). Nezavisimost' – stolbovaya doroga k progressu [Independence is a high road to progress]. *Otan tarikhy*. 3: 15-20. [in Russian]

- [Khafizova, 2019](#) – *Khafizova, K.Sh.* (2019). Stepnyye vlastiteli I ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th–19th centuries]. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 480 p. [in Russian]
- [Kurmanalina et al., 2022](#) – *Kurmanalina, N.N., Ryskulov, T.A., Kabuldinov, Z.Ye., Kuanbay, O.B.* (2022). Modern Research on the Institution of Khan Power of the Kazakhs in the Imperial Period. *Bylye Gody*. 17(4): 1585–1595.
- [Levshin, 1996](#) – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie Kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord I steppei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Pod obshch. Red. M.K. Kozybaeva. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]
- [Mamytova, 2013](#) – *Mamytova, S.N.* (2013). Izuchenie lichnosti i gosudarstvennoi deyatelnosti Abylai khana v sovremennoi Otechestvennoi istorii: real'nost' i perspektivy [Study of the personality and state activities of Abylai Khan in modern Russian history: reality and prospects]. *Otan tarikhy*. 4(64): 5–13. [in Russian]
- [Prostranstvo Severnogo..., 2013](#) – Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoi retrospective XVIII v. (po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina) [The space of Northern Kazakhstan and Siberia in a historical retrospective of the 18th century. (based on documentary publications by G.N. Potanin)]. Nauch. Red. E.I. Chernyak. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013. 314 p. [in Russian]
- [PSZ RI, 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii T. IX. 1733–1736. [Complete collection of laws of the Russian Empire. T. IX. 1733–1736.]. SPb.: Tip. 2-go Otdeleniya Sobstv. E. E. V. kantselarii, 1830. 1022 p. [in Russian]
- [Shashkov, 1869](#) – *Shashkov, S.S.* (1869). Rabstvo v Sibiri (Istoricheskii ocherk) [Slavery in Siberia (Historical sketch)]. Delo: ucheno-literaturnyi zhurnal. Sankt-Peterburg. 1: 163–187. [in Russian]
- [Shaimardanova, 2021](#) – *Shaimardanova, Z.D.* (2021). Abylai khan v zarubezhnykh issledovaniyakh [Abylai Khan in foreign studies]. *Izvestiya KazUMO i MYa im. Abylai khana. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya i Regionovedenie»*. 2(44): 44–53. [in Russian]
- [Shotanova et al., 2022](#) – *Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagaliyeva, K.V.* (2022). The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 590–603.
- [Sulejmenov, Basin, 1981](#) – *Sulejmenov, B.S., Basin, V.Ja.* (1981). Kazakstan v sostave Rossii v XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR. 247 p. [in Russian]
- [Vjatkin, 1947](#) – *Vjatkin, M.P.* (1947). Batyr Srym [Batyr Srym]. M.-L.: izd. i 1-ja tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 392 p. [in Russian]
- [Zhizn' i deyatelnost'..., 2022](#) – Zhizn' i deyatelnost' kazakhskikh khanov, sultanov, batyrov XVIII – pervoi poloviny XIX vv. Sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov [The life and activities of Kazakh khans, sultans, batyrs of the 18th – first half of the 19th centuries. Collection of archival documents and material]. Sost.: N.N. Kurmanalina, T.A. Ryskulov, A.R. Beisembaeva i dr. Almaty: IP «Alma», 2022. 348 p. [in Russian]
- [Zobnin, 1901](#) – *Zobnin, F.* (1901). K voprosu o nevol'nikakh, rabakh i tyulengutakh v kirgizskoi stepi [To the issue of slaves, slaves and Tyulenguts in the Kyrgyz steppe]. Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1902 god. Vyp. VI. Semipalatinsk: Tipogr. Semip. Obl. Pravleniya. Pp. 1–99. [in Russian]

К вопросу о защите ханом Абылаем интересов своих подданных

Зиябек Е. Кабульдинов ^a, Нурболат А. Абуов ^{b, *}, Мурат Ж. Абдиров ^a, Жумагул Р. Байдилдеев ^c

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Филиал Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Петропавловск, Республика Казахстан

^c Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. В данной статье рассмотрена внешнеполитическая деятельность Абылай хана, его роль в отстаивании интересов своих подданных, в сохранении независимости перед Российской империей. В статье привлечены источники, проанализирована делопроизводственная документация, многочисленные письма Абылая, извлечённые из архивов, сборников документов, дающих представление о целом спектре казахско-российских отношений у крепостей, которые были возведены Российской империей на территории Казахского ханства. В результате исследования письменных источников, писем Абылая, направленных российским чиновникам и офицерам, выявлены многочисленные исторические факты, связанные с нарушениями прав казахов. В статье представлены разноплановые конфликты в приграничной полосе между казахами, башкирами,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: abuovnur@mail.ru (Н.А. Абуов), kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов), abdirov.murat@mail.ru (М.Ж. Абдиров), j.baidildeev@gmail.com (Ж.П. Байдилдеев)

калмыками, казачеством, военными, которые приводили к тому, что российские власти осуществляли незаконное пленение казахов, угоняли скот, скрывали беглых подданных казахов, нарушали имущественные права и права вероисповедания автохтонного населения. Статья раскрывает активную дипломатическую переписку, осуществляемую Абылаем, демонстрирует стремление соблюсти паритет в казахско-российских отношениях, требования по соблюдению имевшихся договорённостей с Российской империей, и показывает его самостоятельность и инициативность, ответственность в принятии сложных решений. Обобщение многочисленных фактов позволяет авторам сделать вывод о том, что Абылай весь период своего правления в статусе султана, а затем и хана, являлся выдающимся государственным деятелем, который отстаивал интересы своего народа. Осознавая всю военно-техническую мощь Российской империи, стремясь защитить свой народ и сохранить независимость казахского народа, он выбрал дипломатический путь разрешения всех спорных и конфликтных ситуаций, не подвергая население риску военного конфликта.

Ключевые слова: Абылай, Российская империя, дипломатическая переписка, региональные власти, подданные, пленные.